

БОРИС КРИГЕР

СВЕДЕНБОРГ
И ХРИСТИАНСКАЯ
МИСТИКА

БОРИС КРИГЕР

Сведенборг и
христианская
мистика

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Сведенборг и христианская мистика

Эта книга — внимательный взгляд на тонкую грань между истинным откровением и соблазном. История Эмануэля Сведенборга раскрывается здесь не как курьёз богословия, а как трагедия человека, стремившегося к свету, но прошедшего мимо Креста. В ней — размышление о том, как легко спутать мистику с воображением, духовный опыт — с психологическим состоянием, знание — с верой.

Автор говорит на основе церковного опыта, не отвергая ни искренности ищущих, ни глубины человеческой тоски по вечному. Но именно потому эта книга — о различении. О тишине, в которой рождается подлинная вера. О пути, где не видения ведут к Богу, а соработничество с Ним в любви, терпении и простых делах Веры.

Введение	5
Глава первая. Эпоха Сведенборга	8
Глава вторая. Жизнь Сведенборга.....	11
Глава третья. Книги мистика	15
Глава четвёртая. Небеса и ад Сведенборга	19
Глава пятая. Любовь и учение Сведенборга о браке и семье	23
Глава шестая. Писание и «тайный смысл».....	27
Глава седьмая. Психология и нейрофизиология видений	31
Глава восьмая. Секты, масонство и оккультные сети	35
Глава девятая. Наследие: Отголоски в философии, литературе, психологии.....	39
Глава десятая. Молчание и слово.....	43
Глава одиннадцатая. Современный человек и вечная тяга к тайному	46
Глава двенадцатая. Искусственный интеллект как «проповедник»	49
Глава тринадцатая. Свидетельство опыта	52
Глава четырнадцатая. Методика чтения Сведенборга без соблазна	55
Заключение. Сведенборг как трагедия искреннего заблуждения	58
Библиография	60

ВВЕДЕНИЕ

Когда разум устремляется ввысь, разрывая завесу обыденного, пробираясь сквозь толщу неизведанного, словно жаждущий путник в бесплодной пустыне, он нередко сталкивается не с истиной, но с её призраком. Среди множества фигур, явленных на стыке духовного поиска и опасных иллюзий, имя Эмануэля Сведенборга вспыхивает как тревожный огонь, озаряющий не столько путь, сколько бездну, открывающуюся под ногами. Его жизнь — не просто череда внутренних озарений и загадочных текстов, а полотно, сотканное из противоречий между искренней тягой к святому и пленительной тьмой самозаблуждения. Стоит ли рассматривать его как пророка или же следует признать в нём трагическую фигуру, отражающую вечную склонность человеческого сердца искать не Бога, а откровение ради самого откровения?

Сведенборг — это не только имя, но и зеркало, в котором виден древний и неослабевающий соблазн: выйти за пределы дозволенного, прикоснуться к непостижимому, минуя смирение и послушание. Его опыты, заявленные как путешествия по духовным мирам, суть выражение стремления миновать трудный путь аскетического очищения, подменив его внутренними картинками, кажущимися откровениями. Но где грань между настоящим мистическим опытом и обманом чувств, возведённым в ранг истины? Именно эта граница становится главным полем битвы в истории христианской мистики. Ибо если в самом сердце религиозного пути заложено стремление к встрече с Абсолютом, то путь к этой встрече пролегает не через мгновенное прозрение, но через распятие собственной

воли, очищение души и бесконечное терпение.

Христианская традиция никогда не отвергала возможность богообщения. Величайшие её святые говорили о видениях, слышали Невидимого, встречали Неведомого. Однако в каждом подлинном свидетельстве мистического опыта неизменно звучит нота страха, смирения и внутреннего слома, а не гордости и самодовольства. Великие учителя Церкви — от Антония Великого до Исаака Сирина — единодушно предупреждали: не всякому духу верь, не всякому свету доверяй. То, что кажется откровением, может оказаться ловушкой. Даже ангел, если он является вне контекста чистой жизни и евангельского духа, может быть невестником света, а посланником тьмы. И потому, как учит апостол, должно испытывать духов, прежде чем принять их слово.

Эта книга не ставит перед собой задачу низвергнуть или обличить ради самого разоблачения. Её цель — честное и безжалостное исследование того, как жажда знания, не подкреплённая смирением, может привести не к истине, но к гибели. История Сведенборга — не просто биография одного шведского учёного и провидца. Это история каждого, кто, отвергнув путь подвига, решает войти в святилище без очистительного огня. Его труды, местами величественные, местами исполненные странной внутренней путаницы, становятся свидетельством того, как тонка граница между небом и иллюзией, между настоящим духовным опытом и ловко замаскированным самопрелещением.

Нет более серьёзного дела, чем изучение человеческой души на её предельных границах. Там, где разум перестаёт быть надёжным проводником, а чувства

начинают обманывать, нужен особый свет, который не изнутри человека, но свыше. Именно в этой перспективе предстоит рассматривать феномен Сведенборга: как трагедию, выросшую из жажды священного, но обернувшуюся отступлением от Того, Кто есть Свет истинный. И если трагедия его жизни и мыслей может чему-то научить, то прежде всего — осторожности. Не всякая высота ведёт к небу. Не всякая глубина — к истине. И не всякое сияние — от Бога.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭПОХА СВЕДЕНБОРГА

Столетие, открывшееся величием барокко и завершившееся раскатами революций, явилось временем парадоксального слияния двух направлений человеческого стремления — холодного, системного разума и пылкой, почти мистической жажды иного мира. XVIII век, осенённый славой Просвещения, стал не только ареной расцвета науки, но и временем бурного пробуждения всего оккультного, потаённого, эзотерического. В этом казалось бы противоречивом слиянии, где астрономы смотрели в небо телескопами, а мистики искали знаки в звёздных домах души, родился особый тип личности — провидец нового времени, который пытался соединить рациональное знание с пророческим видением. Именно в такой среде и развернулась судьба Эмануэля Сведенборга — человека, оказавшегося в самой сердцевине этой двойственной эпохи.

Во всей Европе тайные общества множились с поразительной скоростью, прорастая сквозь каменные своды университетов и обвивая мягкие кресла придворных салонов. Масонские ложи, алхимические круги, ордены, посвящённые поиску сакрального знания, обещали своим адептам не просто истину, но приобщение к трансцендентному. Эти общества, сохраняя внешнюю приверженность христианству, всё чаще обращались к доктринам, питающимся из древних языческих корней — от герметизма и каббалы до гностической мечты о спасении через тайное знание. Уход от догматической строгости официальной Церкви становился не столько протестом, сколько стремлением проникнуть туда, куда, по мнению большинства,

смертному доступ был закрыт.

Наука, едва начавшая расцветать, не противостояла этому увлечению, а напротив, шаг за шагом приближала сознание к мысли, что мир — не хаос, но стройная система, доступная разуму. И если звёзды движутся по предсказуемым законам, если в сердце материи можно различить ритм, то почему бы не предположить, что и духовные миры подчинены аналогичному порядку, что и откровение — не исключительный дар, но закономерность, к которой можно приблизиться через внутреннюю дисциплину или особую форму знания? На этой грани научного упования и эзотерического поиска и возникала новая мистическая парадигма, гораздо более самоуверенная, чем её средневековые предшественники.

Религия, оказавшись между двумя фронтами — с одной стороны, рационалистического вызова, с другой — натиска тайных доктрин, — теряла прежнюю однозначность. Церковная проповедь всё чаще звучала как ритуал, а не как огонь. И в этой атмосфере духовного утомления и одновременно напряжённого ожидания люди с обострённым религиозным чувством начинали искать личного опыта, который бы не просто подтверждал учение, но переживался как непосредственное прикосновение к Божественному. Неудивительно, что именно в такую эпоху появляются пророки, видящие не в переносном смысле, но всерьёз — глазами души, как они уверяли. Их слова звучали не отвлечённой проповедью, а как свидетельство личного опыта, который казался неподдельным именно потому, что рождался в мире, где всё более ценилась индивидуальность.

Мистическое в этот период уже не было тем, что

окружено безмолвием монастырей. Оно выходило в свет, проникало в художественные салоны, занимало страницы книг, читавшихся с трепетом. Представление о мистике менялось — из области сокровенного, хранимого в строгом аскетизме, она становилась предметом публичного обсуждения и даже моды. Появление спиритуализма, попытки установить «связь» с потусторонним миром, эксперименты с медиумическими практиками — всё это рождалось не на обочине культуры, а в её центре.

Массовый отклик, с которым воспринимались пророческие голоса, объяснялся не столько духовной наивностью публики, сколько её усталостью от прежних форм знания. Люди стремились к откровению, которое не передаётся через систему, но является здесь и сейчас. Они искали не учения, а прикосновения, не структуры, а озарения. Именно такой дух времени становился благоприятной почвой для появления фигур, подобных Сведенборгу — тех, кто говорил не от имени школы или ордена, но от собственного имени, и при этом утверждал, что видел, слышал и переживал нечто запредельное. И хотя в этом голосе порой слышалась древняя интонация пророков, всё чаще за ней угадывался голос современности, сплавившей вместе веру, науку и оккультизм в новом, причудливом сплаве.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЖИЗНЬ СВЕДЕНБОРГА

Жизнь Эмануэля Сведенборга, протекавшая на границе двух миров — научного и мистического, — сама по себе подобна притче о человеке, который, обладая умом, устремлённым к рациональному постижению законов мироздания, неожиданно делает поворот к тайнам невидимого, уверяя, что нашёл в них смысл выше всякой логики. Родившись в конце семнадцатого века в Швеции, в семье епископа, он с самого детства оказался погружён в атмосферу благочестия, где рассуждения о Боге, ангелах и духовных сферах были столь же естественны, как и чтение латинских классиков. Однако благочестие этого дома носило особый, почти лютерански рациональный оттенок — вера воспринималась не как пыл, а как стройная система, подчинённая логике Писания. И, быть может, именно это внутреннее напряжение между живой верой и её интеллектуальной формой отложилось в душе будущего провидца как неразрешённый вопрос.

Образование Сведенборг получил блестящее, по меркам времени — почти универсальное. Уже в юности он проявил незаурядные способности в области математики, механики, астрономии и анатомии. Его внимание к устройству мира, стремление понять, как движутся небесные тела, как устроено тело человека, как соединяются частицы материи, не было чистым любопытством. В этом — неявная, но постоянная жажда постижения порядка, стоящего за видимым. Именно это — стремление к гармонии в природе — станет позднее основой его убеждения, что и духовный мир подчинён законам, пусть и иным, чем физические.

Долгие годы своей зрелости он провёл как инженер, естествоиспытатель, изобретатель. Он проектировал шлюзы, рассматривал свойства металлов, писал трактаты по физике, не оставляя без внимания ни механику, ни философию. Его труды вызывали интерес при дворе, он общался с выдающимися умами своего времени, входил в научные академии, имел доступ к первоисточникам новейших знаний, циркулировавших тогда по Европе. Частые поездки за границу, особенно в Лондон и на континент, позволяли ему не только обмениваться идеями, но и наблюдать — как живёт мысль, как рождаются концепции, как наука начинает претендовать на право объяснять не только природу, но и самого человека.

Но за этой внешней деятельностью — расчётливой, точной, рациональной — постепенно зреет что-то иное. Его дневники, письма, откровения коллег свидетельствуют о перемене, наступившей не одномоментно, а как бы крадущейся: всё чаще в его записях появляются размышления о душе, не как объекте исследования, а как живом существе, имеющем доступ к потустороннему. Кризис, который, по его словам, наступил около пятидесятилетнего возраста, не был следствием болезни или социальной неустроенности — напротив, положение его было прочным, признание устойчивым. Но внутренняя тоска, усиливавшаяся от года к году, достигла точки, когда наука перестала давать удовлетворение. Тогда-то и начались странные видения, сначала во сне, затем наяву, которые он воспринял не как личную фантазию, а как откровение свыше.

С этого момента жизнь Сведенборга приобретает другой

ритм. Он уединяется, записывает услышанное от духов, описывает путешествия по раю и аду, утверждая, что встречал там давно умерших правителей, богословов, философов. Его сочинения превращаются из научных трактатов в подробные хроники незримых миров. Но и здесь проявляется его прежняя систематичность: он строит целую теорию духовной реальности, где небесные иерархии подчиняются законам, напоминающим социальные устройства, где мысль формирует облик, где чувства обретают вес, где любовь становится архитектурной силой.

Окружение его в этот период делится. Одни отдалаются, считая, что он сошёл с ума, другие, наоборот, притягиваются, чувствуя в его словах особую энергию. Вокруг него постепенно складывается круг поклонников — небольшие, но настойчивые кружки, объединённые не столько харизмой личности, сколько притягательностью самих текстов, в которых звучит уверенность человека, будто бы реально побывавшего за гранью смерти. Он не создаёт секты, не провозглашает себя мессией, но его сочинения начинают распространяться в разных частях Европы — особенно в Германии, Англии и Франции, где мысль уже давно была готова к восприятию подобного рода откровений. Издатели, разглядевшие в его работах нечто более значительное, чем богословские споры, охотно печатают их, пусть и в ограниченном тираже. Переписка его становится всё обширнее — от аристократов до учёных, от духовных искателей до эксцентричных богачей, каждый из которых ищет в его словах или объяснение собственной веры, или оправдание своего духовного эксперимента.

География его жизни, впрочем, остаётся относительно стабильной: он чередует пребывание в Стокгольме, Лондоне и Гааге. В этих городах он находит и типографий, готовых напечатать его обширные тома, и общество, чуткое к идеям о потустороннем. Но сама география его идей оказывается гораздо шире. Его учение пересекает границы и находит отклик в самых разных культурных контекстах, становясь, в известном смысле, духовным авангардом новой Европы, которая уже вскоре после его смерти окончательно откажется от господства одной лишь рациональности.

Таким образом, от скромного инженера, занятого строительством каналов, до человека, убеждённого в своём постоянном общении с ангелами, путь Сведенборга стал не просто переходом от одного рода занятий к другому, а свидетельством глубокого внутреннего перелома. Его биография — не столько череда событий, сколько медленное, почти неуловимое изменение вектора, направленного сначала наружу, к устройству мира, а затем — внутрь, к сокровенной структуре духовной реальности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КНИГИ МИСТИКА

В центре духовного наследия Эмануэля Сведенборга — не отдельные откровения и не случайные озарения, но стройный, внутренне взаимосвязанный корпус текстов, который он сам воспринимал не как результат размышлений, а как плод непосредственного участия в ином, незримом измерении. Его труды, написанные с удивительным хладнокровием, при всём мистическом содержании обладают почти научной структурой. Он не взывает к чувствам, не стремится поразить, не допускает в речи неясности. Каждая его книга — как кирпич в духовном здании, возводимом с невидимой, но неотступной настойчивостью. Здесь нет истерических всплесков, нет пылающего вдохновения, но есть упорная, почти математическая последовательность, с которой он описывает небо, ад, духовную анатомию человека и судьбы после смерти.

Основу его учения составляют прежде всего три книги — «Небо и ад», «Тайны небесные» и «Брачная любовь». В них раскрывается центральный нерв его богословия, заключённого в убеждении, что между внешним и внутренним мирами существует постоянная и глубокая взаимосвязь, не случайная, но неизменная, и что эта взаимосвязь выражается через систему соответствий. Всё в природной сфере, по его мысли, имеет прообраз в духовной: свет солнца — это божественная истина, тепло — божественная любовь, одежда — истолкование истины, пища — восприятие блага. Это не метафора, не образный язык — это буквальный способ бытия, в котором материальное становится отражением духовного.

В «Тайнах небесных» он впервые применяет эту систему

в полном объёме. Толкуя книгу Бытия, он утверждает, что каждая строчка Писания имеет внутренний, духовный смысл, который может быть прочитан лишь тем, кто находится в особом состоянии откровения. Так, история Авраама, Исаака и Иакова становится не просто рассказом о патриархах, а таинственным повествованием о стадиях духовного становления человека. Грехопадение, по его словам, не только событие древности, но и ежедневная внутренняя катастрофа души, отворачивающейся от Божественного света. Эта способность «переписать» смыслы Библии, не отвергая её буквального прочтения, но утверждая за ним второе, более глубокое измерение, и составляет суть его откровенческой работы.

В «Небе и аде» он переходит от теоретических построений к описаниям. Здесь представлены пространные рассказы о загробных мирах, наполненных реальными местами, живыми существами, законами и взаимодействиями. Он утверждает, что душа после смерти мгновенно оказывается в том мире, к которому внутренне принадлежит, что ад — не место наказания, но состояние тех, кто предпочёл любовь к себе любви к Богу, и что небо открыто лишь тем, кто научился жить в истине и добре, а не просто исполнял внешние предписания. Особое внимание уделяется тому, что каждый человек уже при жизни носит в себе черты будущего состояния — и потому не Бог решает его участь, а он сам, своим свободным выбором.

Книга «Брачная любовь» выделяется среди других. Она не только рассуждение о супружестве, но и глубокое богословское размышление о природе единства. Здесь брак понимается как внутренний союз мудрости и

любви, и лишь тогда, когда этот союз достигается, возможно истинное слияние душ. В этой книге Сведенборг проявляет удивительную для своего времени смелость: он говорит о телесной близости не как о чём-то уничижительном, но как о выражении духовной реальности. Однако в основе этой близости должна быть не страсть, а соответствие внутреннего устремления двух существ. Он называет такую любовь вечной, утверждая, что те, кто были связаны истинным супружеством на земле, останутся вместе и в вечности.

Дополняют и развивают его богословие труды «О Божественной любви и Премудрости», «О Божественном Промысле» и «Подлинная христианская религия». В первой из них он описывает Божественную природу как непрестанное излияние света и тепла — образ, заимствованный из наблюдения за природой, но наполненный метафизическим смыслом. Бог, по его мысли, не является отдалённым существом, но Самым Ближним, постоянно поддерживающим бытие мира своей любовью. Промысел, в свою очередь, действует не в виде чудес, но в виде постоянного притяжения человека к добру, через свободу и разум, никогда не нарушая воли, но всегда предлагая путь.

«Подлинная христианская религия» стала своеобразным итогом его богословских трудов. Здесь он систематически излагает своё понимание основных догматов: о Боге, о спасении, о вере, о жизни вечной. Однако ни одно из этих понятий не звучит в привычной церковной терминологии. Он утверждает, что Троица — не три личности, а три аспекта одного Божественного: Бог как Отец — это сама Божественная Любовь, как Сын — Божественная Истина, как Дух — Божественное

Действие. Спасение — не юридический акт искупления, а постепенное превращение человека, изменение его внутренней природы. Церковь — не организация, а вся совокупность тех, кто живёт по Божественной истине, независимо от конфессии.

Все эти книги, написанные на латинском языке, тщательно редактировались самим автором и распространялись небольшими, но целенаправленными тиражами. Он публиковал их за свой счёт, не полагаясь на официальную церковную поддержку, и тем не менее они находили путь к читателю, входили в обсуждения, цитировались и изучались. Через них складывался образ «нового откровения» — не как разрушения христианской веры, но как её внутреннего раскрытия, её духовного ядра, которое, по мысли Сведенборга, было затемнено со временем внешними обрядами и ложными толкованиями. Его книги становились не только проводниками новой религиозной мысли, но и своего рода картами другого мира, с которым он, по собственному убеждению, имел постоянную связь.

Так создавалась целостная и удивительно продуманная система, в которой каждое сочинение подтверждало другое, каждое слово укладывалось в единое здание смысла. Этот корпус текстов стал фундаментом для движения, которое появится уже после его смерти и назовёт себя Новой церковью — но до того, как она возникла, слово Сведенборга уже успело проникнуть в сознание многих людей, жаждавших не новых догм, но живой тайны, подкреплённой логикой, и откровения, в котором чувствовался порядок.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. НЕБЕСА И АД СВЕДЕНБОРГА

Потусторонний мир в описаниях Сведенборга не предстаёт как неясный, окутанный молчанием мрак, каким он часто рисуется в святоотеческом наследии, а раскрывается с поразительной детальностью и убедительностью, свойственной скорее отчёту, нежели пророчеству. Он строит целую духовную географию, где каждое пространство наполнено смыслом, где порядок и иерархия не уступают земным структурам, а иногда даже превосходят их по чёткости. Небеса его обладают собственными законами, имеют внутреннее устройство, сообществ, хоров и сфер. Ад — не место мук в привычном образе, но среда, полностью пропитанная эгоизмом, где каждый занят собой, где господствует мнимое торжество воли, разрушающее самого человека. В этой системе каждый обитатель потустороннего оказывается на своём месте не потому, что был судим, но потому, что внутренне совпал с окружающим его состоянием.

Сведенборг утверждает, что смерть не изменяет человека — она лишь раскрывает его подлинную сущность. Лицо, скрывавшееся за масками приличий и внешнего благочестия, становится явным, и душа начинает жить в той реальности, которую уже выбрала. Поэтому небеса не наполняются праведниками в привычном понимании — они состоят из тех, кто научился любить благо ради блага, истину ради истины, кто действовал не из страха, а из внутреннего стремления к добру. Ад же населён теми, кто превратил себя в центр всего, кто даже добро творил ради собственной выгоды, кто, даже говоря о Боге, искал возвышения, а не служения. Эта картина, при всей её

внутренней стройности, резко отличается от евангельского образа загробной участи, где, как в притче о мытаре и фарисее, критерии не всегда укладываются в логические формулы.

Святоотеческое учение, особенно восточной традиции, всегда настаивало на таинственности участи души. Отцы Церкви сдержанны в изображении рая и ада: они указывают на огонь совести, на свет, в котором становится видно всё — и от которого некоторые бегут, как бегут от обличающего света, а другие стремятся, как к источнику жизни. Даже такие глубокие мистики, как Исаак Сирийский или Максим Исповедник, избегали конкретных образов, предпочитая говорить о внутреннем состоянии, о преображении, о стыде, свете, плаче и радости. И хотя в их текстах встречаются упоминания о мытарствах, о наказаниях, о видениях, всё это никогда не приобретает систематической завершённости — напротив, подчёркивается, что суд принадлежит одному только Богу, и что человек не может знать, кто спасён, а кто нет.

Сведенборг же утверждает, что видел всё это своими глазами души. Он описывает встречи с душами умерших, рассказывает о судьбах царей, богословов, политиков, даёт оценки, указывает их нынешнее местопребывание. Такая определённости противоречит не только церковному смирению перед тайной, но и самой сути христианской надежды, которая всегда оставляет место милости, даже в последнюю минуту. В его системе почти не остаётся места покаянию после смерти, и сама смерть становится как бы последним пределом, за которым каждый уже обретает своё окончательное состояние — без возможности

изменения, как если бы выбор был окончательно зафиксирован.

Последствия веры в такие картины становятся особенно заметны, когда взглянуть на тех, кто всерьёз принял его учение. Многие последователи Сведенборга искали не столько духовного преображения, сколько знания — точного, достоверного, не допускающего сомнений. Возникла подмена: вместо смиренного следования Христу — увлечение космографией невидимого мира; вместо молитвенного покаяния — размышления о сферах, состояниях, уровнях и соотношениях. Духовная жизнь из драмы спасения превращалась в изучение схем. Даже любовь, о которой он столь много пишет, приобретала у некоторых форму эстетического восторга, не всегда сопряжённого с крестоношением и жертвой, необходимыми в евангельском понимании.

Во всём этом неизбежно встаёт вопрос: где проходит граница между волей Божией и воображением человеческим? Где откровение, а где — проекция собственного сознания, утомлённого научным анализом и уставшего от рационализма? Ведь то, что в текстах Сведенборга представляется как видение, очень часто носит отпечаток его прежнего мышления — аналитического, классифицирующего, систематического. Его потусторонний мир удивительным образом напоминает архитектуру ума, способного к построению стройных моделей, но не всегда способного оставить пространство для тайны.

Христианская традиция всегда держала эту тайну с благоговейной осторожностью, зная, что человек может быть соблазнён даже светом, если он не от Бога. «И не дивно: потому что сам сатана принимает вид ангела

света» — этот голос апостольского предостережения звучит как напоминание о том, насколько опасно принимать всякое внутреннее зрение за истину. Не всякая ясность — от Духа. Не всякая упорядоченность — от Премудрости. И если за образом небес и адов стоит не живая встреча с Христом, но конструкт, порождённый воображением, то он может увлечь душу, но не привести к спасению.

Картины Сведенборга, будучи убедительными и цельными, требуют не слепой веры, а духовного различения. Они влекут, поражают, увлекают, но именно потому становятся особенно опасными — потому что предлагают объяснение вместо откровения, знание вместо надежды, схему вместо пути. И если в них и содержится крупица истины, то она скрыта за множеством деталей, среди которых легко утратить самое главное — лик Спасителя, Который приходит не через знания, а через сокрушённое сердце.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛЮБОВЬ И УЧЕНИЕ СВЕДЕНБОРГА О БРАКЕ И СЕМЬЕ

В череде трудов, составивших духовное наследие Сведенборга, книга *«О брачной любви»* занимает особое место. Она не похожа ни на одно из его других сочинений, хотя и вплетена в общую ткань его богословской системы. Здесь он говорит не о загробных сферах и не о высших небесных чинах, а о супружестве — человеческом, земном, телесном. Но при этом делает это как бы изнутри вечности, уверяя, что истинная брачная любовь не только не прекращается после смерти, но напротив — лишь тогда раскрывается во всей полноте, если была подлинной. В представлении Сведенборга брак не есть просто общественный договор или религиозный союз — это космическая тайна, выражение глубочайшей гармонии между мудростью и любовью, между истиной и добром.

Он утверждает, что мужчина по своей духовной природе более склонен к разуму, а женщина — к любви, и что их союз отражает внутреннюю структуру Божественного. Эта дуальность, будучи соединённой в истинном браке, создаёт нечто цельное, самодостаточное и вечное. Любовь между супругами, по его словам, не только сохраняется после смерти, но и продолжает расти, переходя в состояние всеобъемлющей радости и взаимного просветления. Он не стыдится говорить о телесной стороне любви, считая её не только естественной, но и духовно значимой, если она выражает внутреннее согласие душ. Но именно здесь, за красотой формулировок и притягательностью образов, возникает особая настороженность — потому что речь идёт уже не о символе, не о таинстве, а о буквальной картине,

которую он предлагает принять как истину.

Христианская традиция испокон веков рассматривала брак как таинство — не в смысле мистической романтики, а как путь, наполненный жертвой, терпением, крестоношением и милостью. В нём соединяются два несовершенных человека, каждый из которых должен, неся слабости другого, возрасть в любви, подчинённой Богу. Апостол Павел, говоря о браке, не обещает лёгкой гармонии, но указывает на образ Христа и Церкви — где любовь проявляется через распятие, а не только через взаимную симпатию. Брак в христианстве — это школа подвига, а не только источник утешения. Даже в монашеской традиции, где брак телесный отвергается, сама идея брачного союза не исчезает, но возвышается до образа духовного соединения души с Богом, о чём писали Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, Григорий Нисский.

У Сведенборга же этот символ теряет свою обобщённость, становясь буквально переживаемым явлением потустороннего бытия. Он не просто описывает супружество в раю, он делит его на категории, различает браки истинные и ложные, исследует их последствия и даже изображает духовную топографию тех мест, где обитают души, пребывающие в брачной любви. В таких деталях уже невозможно различить, где символ, а где плод воображения. Он утверждает, что те, кто заключили подлинный союз, останутся вместе навечно, а те, кто жили в внешнем союзе без внутренней гармонии, после смерти будут разделены. Это звучит как ответ на тоску человеческого сердца, которое боится утраты любимого, которое ищет вечности в том, что

переживается как настоящее. Но одновременно с этим в таких утверждениях проявляется подмена: вместо того чтобы указать на тайну брака как путь к Богу, он предлагает образ, где цель брака — сам союз как таковой, его красота и завершённость.

Влияние подобных представлений на последователей Сведенборга было значительным. Они начали воспринимать супружество как высшую форму духовной жизни, зачастую противопоставляя его другим путям — молитве, уединению, посту, воздержанию. В некоторых кругах началось почти культовое поклонение идее брака как абсолютной ценности, как способа спасения, самодостаточного и совершающегося не столько через борьбу со страстями, сколько через гармонию с другим. Женщина и мужчина в таких представлениях теряли конкретность, превращаясь в архетипы, и брак становился не живым союзом несовершенных людей, а почти сакральной формой, в которой уже не требовалось ничего, кроме совпадения «вибраций».

Это влияние сказалось не только на духовной жизни, но и на конкретных судьбах. Люди, следовавшие Сведенборгу, иногда искали «предопределённого спутника», полагая, что только с ним возможна настоящая любовь. Другие, разочаровываясь в браке, считали, что просто ошиблись в выборе души, а не в отношении к любви как таковой. Так возникал новый взгляд на семейную жизнь, где личное переживание ставилось выше подвига, а эмоциональное соответствие — выше обета.

Такая подмена символа фантазией, притягательная и красиво оформленная, всегда несёт опасность. Ибо

символ в христианстве — это не иллюстрация или образ, а окно в иной мир, знак, ведущий к глубине. Фантазия же — это замкнутая система, которая рисует образы, не требующие преобразования. В мистике Сведенборга брак утрачивает трагическую глубину евангельского креста и обретает почти мифологическое очарование. Но любовь, не пройденная через страдание и верность, остаётся тенью самой себя, какой бы утончённой и вечной она ни казалась в изложении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПИСАНИЕ И «ТАЙНЫЙ СМЫСЛ»

Когда Сведенборг обращается к Писанию, он делает это не как толкователь, движимый благоговением перед текстом, но как человек, утверждающий, что получил ключ ко всему сокровенному, скрытому под поверхностью слов. Его подход к Библии основан на убеждении, что за каждым стихом, за каждым именем и повествованием скрывается тайный, внутренний смысл, который доступен лишь духовному зрению, очищенному от внешнего понимания. Он не просто комментирует, он перекодирует. Описание странствий патриархов, законы Моисея, сны и чудеса — всё это превращается в образы духовных состояний, в аллегории внутренней борьбы, в схему пути души. Его перо не знает сомнений: каждое слово Писания превращается в символ, каждая история — в парадигму.

Такая манера чтения, на первый взгляд, может показаться глубокой и даже благоговейной. В самом деле, разве не говорили отцы Церкви о духовном смысле текста? Разве не толковал Ориген аллегории, не находил Амвросий в событиях Ветхого Завета образов грядущей благодати? И всё же между отеческой традицией и методом Сведенборга лежит бездна. Отцы никогда не отделяли смысл духовный от смысла буквального, не разрушали историческую ткань повествования, не противопоставляли образ реальности. Они стремились не заменить Писание своей интерпретацией, а углубить восприятие, оставаясь в рамках церковного предания. Сведенборг же, полагаясь исключительно на своё внутреннее зрение, предлагает вместо Писания иной текст — текст своих видений, в котором священная история становится лишь поводом для изложения

собственной мистической философии.

В *«Тайнах небесных»* он идёт от главы к главе, от стиха к стиху, расплетая знакомые истории до неузнаваемости. Авель превращается в образ любви к Господу, Каин — в знак веры, отделённой от любви, вода потопа — в символ наводнения зла. Ничто не остаётся самим собой. Но самое опасное заключается даже не в символизации, а в претензии на абсолютную достоверность этих толкований. Он не оставляет места для сомнения или обсуждения. Его слово звучит с той же уверенностью, с какой говорил пророк, хотя за этой уверенностью нет ни живого предания, ни согласия Церкви, ни внутренней трезвости, рождаемой смирением. Здесь уже не толкование — здесь создание новой картины мира, в которой Библия становится строительным материалом, а не источником света.

Опасность подобного подхода заключается не только в возможности ошибки, но в самой его природе. Он разрушает доверие к букве, отрывает верующего от непосредственного, простого, ясного смысла Евангелия. То, что было обращено к сердцу, становится загадкой, нуждающейся в расшифровке. Простота Христова слова — «Блаженны чистые сердцем», «Любите врагов ваших», «Прощайте, и прощены будете» — теряется под напластованиями скрытых значений. Живая речь Спасителя, обращённая ко всем, в том числе к простецам, превращается в шифр, понятный лишь «посвящённым». И тем самым Евангелие теряет свою открытость, свою доступность, свою силу, побеждающую не рассудок, а совесть.

Сложность систем, подобная той, которую выстраивает Сведенборг, неизбежно отдаляет душу от

непосредственного переживания встречи с Богом. Человек, увлечённый иерархиями духовных миров, законами соответствий, архитектурой невидимого бытия, начинает искать не лица, а структуры. Он вникает не в дух Писания, но в его предполагаемый тайный код, и тем самым всё глубже погружается в пространство, где нет места живому Богу — только знаки, аналогии и схемы. Путь становится лабиринтом, и чем дальше в него входит душа, тем сложнее выйти.

На этом этапе толкование перестаёт быть богословием. Оно становится основанием новой религиозности — с собственным канонem, с новыми пророками, с другим образом Бога. Так рождается то, что внешне может напоминать христианство, но по существу уже им не является. Здесь нет Церкви как Тела Христова, нет Тайн, нет смиренного ожидания Духа. Здесь есть система, построенная на уверенности одного человека в истинности своего зрения, и на готовности других принять эту уверенность как последнюю инстанцию.

Истинная толковательная традиция всегда дышит страхом и благоговением. Никто из святых отцов не осмеливался сказать, что понял всю глубину Писания — напротив, чем глубже был их разум, тем сдержаннее были их слова. В их текстах звучит не доктрина, а молитва, не система, а вопрошание. У Сведенборга же всё иначе: там, где должно быть преклонение, звучит уверенность; там, где требуется молчание, появляется описание.

Таким образом, в попытке раскрыть глубину он отходит от простоты, и в поисках истины создаёт образ, который заслоняет Истину как Личность. Его *«перепись»* Библии — это акт, в котором благочестие уступает место

знанию, вера — внутреннему зрению, Христос — метафизике. И хотя внешне сохраняются знакомые слова, дух уже иной. Точка, где заканчивается толкование и начинается новая религия, оказывается пройденной незаметно — через благие намерения, через жажду постижения, через веру в собственное прозрение. И именно потому этот путь становится не только интересным, но и страшным.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ ВИДЕНИЙ

Сведенборговские описания загробного мира, при всей их стройности и уверенности, невольно вызывают вопрос: чем является подобное зрение — подлинным духовным опытом или же феноменом психики, способной создавать убедительные картины, когда напряжение разума достигает предела? Современная психология и нейрофизиология позволяют взглянуть на этот вопрос с иной стороны, не отрицая возможности духовного, но показывая, как тонка грань между мистическим переживанием и состояниями мозга, порождающими яркие, но субъективные образы. Человек, находящийся в пограничных состояниях сознания, способен видеть целые миры — не только во сне, но и наяву, переживая их с такой достоверностью, что действительность кажется менее реальной, чем внутреннее зрелище.

Существует явление гипнагогии — мгновенных, ярких образов, возникающих в момент засыпания или пробуждения. В эти секунды сознание уже не бодрствует полностью, но ещё и не спит, и именно тогда появляются видения, которые воспринимаются как внешние, хотя рождаются внутри. Они могут быть удивительно детализированными: звуки, запахи, лица, целые сцены, проживаемые будто бы «вживую». В некоторых случаях подобные состояния перерастают в более глубокие эпилептико-мистические феномены, где чувство времени исчезает, а эмоциональная насыщенность достигает апогея. Известно, что височные доли мозга, особенно их медиальные структуры, при определённой стимуляции создают у человека переживания

священного, ощущение присутствия высшей реальности, контакта с иным миром. Для того, кто не знаком с механизмами этого процесса, переживание кажется не просто убедительным — оно абсолютное, оно захватывает всего человека, его волю, память, чувства.

Так рождается психологическая сила подобных видений: яркий образ убеждает сильнее, чем тихая истина. Слова, услышанные во внутреннем голосе, запоминаются с большей эмоциональной нагрузкой, чем рациональная мысль. Человек, которому кажется, что он «видел», перестаёт сомневаться — он не просто думает, он свидетельствует. Вера в видение переживается не как вывод, а как опыт, как непосредственное прикосновение. Именно поэтому такие откровения столь притягательны не только для их автора, но и для слушателей. Яркость образа становится аргументом сама по себе. Там, где простая истина требует терпения, борьбы, молитвы и усилия, мистическое видение предлагает мгновенное знание, эффект присутствия, готовый ответ.

Нейрофизиологи говорят о так называемом «дофаминовом крюке» — механизме, при котором неожиданный, эмоционально насыщенный опыт вызывает мощный выброс дофамина, гормона мотивации. Этот выброс закрепляет событие в памяти, создаёт ощущение значимости, открывает сильное желание повторить переживание. Так формируется психологическая зависимость от необычного, от тайного, от «особого знания». Человек начинает искать всё новые подтверждения, новые откровения, новые видения, чтобы снова испытать то же чувство. В этом заключается глубинная опасность мистических состояний без дисциплины: вместо того чтобы вести к

Богу, они начинают вести к самим себе, к зависимости от переживания. Тайна перестаёт быть священной и становится соблазном — она привлекает не как путь, а как удовольствие.

Христианская традиция, имея многовековой опыт духовной жизни, всегда относилась к подобным состояниям с осторожностью. Святые отцы предупреждали, что даже истинное откровение требует проверки и смирения, что видения, какие бы они ни были, нельзя принимать за цель, а нужно проверять плодами. Истинная святость, по их словам, не в том, чтобы видеть ангелов, но в том, чтобы соединять свою волю с Божией, любить ближнего, побеждать гордость, быть верным в малом. Даже великие мистики, такие как Симеон Новый Богослов или Тереза Авильская, при всех своих видениях подчёркивали, что высшая ступень — не созерцание образов, а пребывание в любви и покое, где Бог действует без видимых знаков.

Подлинная святость — это не экстаз, не переживание необычного, а тихое, постепенное изменение сердца. Там нет вспышек, нет сладкой неги, нет дофаминового восторга. Там есть долгий труд, очищающий взгляд так, что человек начинает видеть не ангелов, а своего ближнего, не тайные сферы, а присутствие Бога в каждом дне. Эта святость не соблазняет, не вызывает восхищения, не продаётся как знание. Она проста, скромна, почти незаметна. Но именно она — истинная, потому что не привязывает душу к образам, а освобождает её для того, чтобы любить и быть любимой не через видения, а через реальность Божьего действия.

В этой перспективе становится понятным, почему видения, какими бы яркими они ни были, могут вести не

только к просветлению, но и к заблуждению. Они — не критерий истины. Критерий — плоды: смирение, любовь, мир. Там, где плодов этих нет, там, как говорили отцы, нет и благодати, как бы ни сияли картины в сознании.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СЕКТЫ, МАСОНСТВО И ОККУЛЬТНЫЕ СЕТИ

Когда Эмануэль Сведенборг завершал последние страницы своих трудов, он, возможно, не предполагал, какую долгую и разветвлённую жизнь начнёт его учение после смерти. Несмотря на то что при жизни он не создавал никакой организации, не формулировал чёткой институциональной программы, его тексты постепенно стали ядром нового духовного движения. Эта форма — не церковь в привычном смысле, не братство, не философская школа, но нечто более подвижное: сеть кружков, объединений, тайных чтений и частных обществ, из которых, с течением времени, выросла так называемая «Новая Церковь». Она оформилась не сразу, но как будто рождалась из внутренней логики самих трудов Сведенборга: ведь если истина была открыта, если духовные миры описаны с такой определённойностью, то неизбежно появится стремление не только читать, но и жить в соответствии с этим знанием.

Первое устойчивое оформление «Новая Церковь» получила в Англии — в Лондоне, где тексты Сведенборга распространялись особенно активно. Именно здесь начались попытки создать богослужебную форму, основанную на его учении, появились первые богословские трактаты, разъясняющие «новое откровение». В конце XVIII века возникает учреждение с уставом, символикой, особой литургией, где в центре стоит не крест, а идея внутреннего соответствия между словом, мыслью и небесным порядком. Бог понимался как Единый, Иисус Христос — как проявление этой Единой Сущности в человеке, а Троица — как аспекты Божественной деятельности, а не как три лица. Тайнство

воспринимались иначе: крещение — как знак духовного рождения, причастие — как акт внутреннего приобщения, не зависящий от реального тела и крови Христа. Всё это превращало веру не в путь подвига, а в путь постижения.

Параллельно с формированием этой церковной структуры, вокруг текстов Сведенборга возникает множество меньших кружков — в Германии, Швеции, Голландии, позднее — в Америке. Эти общества, часто не имеющие единого центра, объединялись идеей о том, что мир устроен по тайным законам, что человек может к ним приобщиться через очищение мысли, символическое чтение Писания и внутреннее преображение. Однако сама атмосфера, в которой рождались эти сообщества, тесно переплеталась с более широким культурным и духовным фоном XVIII и XIX веков — веком, насыщенном масонскими орденами, герметическими трактатами, алхимией, каббалой и мистикой, восходящей к античным источникам.

Именно здесь, в этих пересечениях, и начинается проникновение учения Сведенборга в оккультные структуры. Его система «соответствий» — идея, согласно которой всё внешнее отражает внутреннее, каждое слово Библии имеет тайный смысл, каждое событие — символическую природу, — оказалась невероятно близка к представлениям, господствующим в герметизме, в розенкрейцерской традиции, в символических ритуалах высокого масонства. Масонские ложи, стремившиеся к синтезу науки, религии и мистики, увидели в его текстах богатый источник символов, идей и эзотерических концепций. Хотя сам Сведенборг никогда формально не

принадлежал ни к одному масонскому братству, его язык, его строй мыслей, даже структура описаний загробных миров — всё это воспринималось как «высшая теософия», близкая по духу к учениям, которые масоны передавали в своих высших степенях.

Особое значение в этих заимствованиях приобрела символика. Понятие света и тьмы, лестницы, ведущей из низших миров к высшим, небесных иерархий, храмовой архитектуры духовного человека — всё это находило своё отражение в обрядах. Кружки, вдохновлённые Сведенборгом, начинали вводить собственные обряды инициации, молитвенные практики, в которых Писание читалось через призму внутреннего смысла. В риторике этих обществ всё чаще звучали слова «озарение», «внутренний человек», «ангельское сознание». Возникали псевдо-литургии, в которых вместо покаянных псалмов использовались тексты из *«Тайн небесных»*, вместо обычных проповедей — чтения об устройстве рая и ада.

По мере распространения идей в XIX веке, особенно в эпоху романтизма, Сведенборг становится одной из ключевых фигур для тех, кто искал синтез веры и тайного знания. Поэты, философы, эзотерики, оккультисты — от Блэйка до Бёме, от Элифаса Леви до Мадам Блаватской — в той или иной степени обращаются к его образу. Даже в теософии и спиритуализме можно уловить отголоски его идей: представления о тонких телах, о реальности мысли, о загробных уровнях существования, где всё определяется вибрацией души. Хотя формы этих новых учений часто резко расходились с христианской догматикой, дух Сведенборга продолжал жить в них как тихая основа —

рационализированная, эзотерическая, но не потерявшая первоначальной уверенности в познаваемости невидимого.

Так формируется невидимая карта влияния: от Лондона и Стокгольма — до Лейпцига, Парижа, Бостона и Женевы. В каждом из этих городов появлялись группы, изучавшие *«Небо и ад»*, печатавшие трактаты, основывавшие школы символического толкования. Даже архитектура некоторых собраний несли на себе черты «сведенборговской» геометрии: круг, восходящий свод, три уровня зала, соответствующих трём уровням духовного мира.

Влияние это, разумеется, не было прямолинейным. Оно распространялось через сеть переписок, переводов, интеллектуальных мод, через неуловимую ауру учения, которое предлагало не просто веру, но знание — знание, облечённое в форму откровения, но обоснованное как наука. И в этом, быть может, заключалась его главная привлекательность: в том, что оно придавало разуму право говорить о вечности, при этом не разрушая магии тайны.

Так формировалась целая подземная сеть — сеть, в которой идеи Сведенборга переставали принадлежать только ему. Они растворялись в масонских обрядах, оживали в оккультных формулах, вдохновляли создание новых религиозных общин. Но, растворяясь, они теряли свою осторожность, превращались в средство, в механизм, в символику, доступную без подвига. И тем самым, несмотря на свою изначальную духовную направленность, начинали служить не только просветлению, но и соблазну — желанию владеть тайной, не подчиняясь Истине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. НАСЛЕДИЕ: ОТГОЛОСКИ В ФИЛОСОФИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ПСИХОЛОГИИ

Влияние Сведенборга, распространяясь за пределы узких религиозных кругов, проникло в самую ткань европейской и американской культуры, оставив глубокие следы в философии, литературе, искусстве и — особенно — в психологии. Это влияние проявлялось не в прямом принятии его учения, но в глубинной перестройке образа человека, в перемещении центра духовной жизни с догматической истины на внутренний опыт, с внешней традиции на личную интуицию. Именно это смещение стало главным наследием Сведенборга: не формирование новой системы, а формирование нового подхода — к душе, к миру, к Богу.

Одним из первых, кто почувствовал силу его образов, стал Уильям Блейк. Хотя Блейк нередко полемизировал со Сведенборгом, в его поэзии и графике отчётливо слышится отголосок сведенборговской картины невидимого мира. Ангелы, персонифицированные страсти, разветвлённая география души, идея, что каждый человек носит в себе целую вселенную, — всё это роднит поэта с шведским мистиком. Но Блейк, в отличие от Сведенборга, оставался скорее пророком-одиночкой, интуитивным глашатаем неба и ада, тогда как Сведенборг предлагал систему. Тем не менее без его трудов блейковское воображение вряд ли приобрело бы такую картографическую насыщенность.

В Америке XIX века идеи Сведенборга проникли в сознание трансценденталистов — прежде всего Эмерсона, который находил в трудах шведского провидца подтверждение своей веры в безусловную значимость внутреннего света. Эмерсон видел в нём

мудреца, прошедшего за границы обыденного и вернувшегося с вестью о царстве духа. В своих эссе он ссылается на Сведенборга как на живой источник духовной силы, как на пример человека, воспринявшего мир не рассудком, а целым существом. Рядом с ним стояли другие мыслители — Генри Торо, Маргарет Фуллер, Бронсон Олкотт, — все они видели в сведенборговской мысли возможность соединить личную интуицию с универсальным порядком, в котором каждый элемент природы имеет духовный смысл.

В XX веке особенно заметным становится отклик в области аналитической психологии. Карл Густав Юнг, погружаясь в исследование архетипов, символики сновидений, глубинных слоёв коллективного бессознательного, нередко упоминал Сведенборга как уникальный пример человека, чьё внутреннее зрение совпадает с основными темами мифологии и психики. Сам Юнг видел в его текстах подтверждение своей гипотезы о том, что образы, возникающие в душе, имеют не только личную, но и универсальную природу. Он с интересом исследовал дневники Сведенборга, анализируя их как проявление архетипических структур, и называл его одним из редких примеров «натурального мистика» — того, кто жил в символе, как другие живут в языке.

Однако вся история рецепции Сведенборга окрашена двойственностью. Его тексты вдохновляли и одновременно соблазняли. Они открывали новые горизонты, но часто вели не к Богу, а к самоотражению. Вдохновлённые его идеями, читатели порой теряли ориентиры, отрываясь от евангельской простоты и

увлекаясь внутренними конструкциями, которые требовали не покаяния, а воображения. Множество религиозных искателей, художников, философов, психологов, соприкасаясь с его текстами, находили в них отражение собственных поисков, но редко возвращались оттуда к трезвости христианской аскезы. Трудность заключалась в том, что Сведенборг создавал не иллюзию, но цельный мир, столь насыщенный внутренней логикой, что его невозможно было опровергнуть, не выйдя из круга его символики. Это мир, закрытый от внешней критики, самодостаточный, как сон, в котором всё кажется истиной, пока не наступает пробуждение.

На этом фоне особенно остро встаёт вопрос: как отличить подлинное плодоношение духа от мнимого просветления? Где граница между вдохновением, ведущим к святости, и тем, которое питает лишь себя? Святость, как учит Предание, никогда не оставляет человека прежним. Она разрушает старое сердце, делает его способным к любви, к терпению, к жертве. В её присутствии человек становится тише, кротче, честнее. Плоды её — мир, благость, сострадание. Ложная же мистика производит иной эффект: она усиливает ощущение избранности, вызывает духовную гордыню, стремление к исключительности, к отделению от других. Там, где истинный свет — там исчезает «я». Где мнимое просветление — там это «я» становится центром мироздания.

Влияние Сведенборга всегда разворачивалось между этими двумя полюсами. Одни, соприкасаясь с его книгами, начинали путь к большей внимательности к жизни, к очищению ума, к стремлению постигнуть

замысел Творца. Другие — уходили в миры, построенные воображением, влюбляясь не в Бога, а в собственные представления о Нём. Так его наследие остаётся открытым вопросом: может ли разум, опираясь на символ, дойти до истины, не уклоняясь в фантазию? И может ли душа, прикоснувшись к сокровенному, остаться верной тихой заповеди — «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»?

В этой тишине и различаются плоды. Одни приносят свет и покой. Другие — тень, обещающую свет, но скрывающую путь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. МОЛЧАНИЕ И СЛОВО

Всё, что связано с подлинной святостью, пронизано тишиной. Не той, что возникает от отсутствия звуков, но той, что рождается из сосредоточенности, из умиротворённого сердца, отрешённого от желания быть услышанным. Христианская традиция, веками формируя образ духовной зрелости, неизменно подчёркивала ценность молчания — как пространства, в котором действует Бог. Там, где слово становится редким, оно начинает звучать с подлинной силой. Там, где речь не множится, смысл наполняется. Напротив, избыточность говорения, стремление выговорить всё, объяснить, истолковать, разложить по полочкам — всегда была признаком не зрелости, но беспокойства, не мудрости, но тщеславия, завуалированного стремлением владеть смыслом.

Сведенборг, при всей изощрённости своего языка и системности мышления, оказался в ловушке именно этой избыточности. Он не умолчал ничего. Ни ангелы, ни демоны, ни небо, ни ад, ни брак, ни природа Божества — всё было им описано, классифицировано, сведено в схемы и образы. Его слово не знало паузы. Он говорил, как человек, одержимый внутренней необходимостью высказывать, не оставляя за пределами речи ни одной тайны. Но всякая попытка захватить невидимое словом несёт в себе опасность: сокровенное ускользает, как только его пытаются назвать. Святость, напротив, живёт в уме, умеющем удержаться от последнего объяснения. В уме, который останавливается перед бездной — не из страха, а из трепета.

Молчание, к которому призывает евангельская мудрость, — не молчание отчаяния и не отказ от участия

в мире. Это внутренний строй, в котором душа не бежит за впечатлениями, не спешит говорить о пережитом, не утверждает свою правоту, не выносит свой опыт как знамя. Истинное откровение требует не крика, а тишины. И те, кто по-настоящему соприкасались с Божественным, всегда становились молчаливее, сдержаннее, проще. Их речь становилась как бы побочным следствием их жизни, а не её формой. Великие подвижники, достигавшие высшей ступени молитвы, говорили реже и тише, чаще — глазами, присутствием, покоем.

В этом умолчании сокрыта сила, которой не может быть в изобилии слов. То, что не высказано, но прожито, начинает излучать присутствие. И наоборот: то, что высказано без меры, теряет свою плотность, рассеивается, превращается в эхо самого себя. Удержание слова — не просто качество характера, но духовный подвиг. Оно требует усилия, самообладания, глубокого внутреннего слуха. Когда человек не спешит высказываться о таинственном, он тем самым даёт ему остаться таинством. Он не присваивает, а хранит. Не облекает в форму, а позволяет действовать без слов.

Святость никогда не была красноречива. Апостол Павел, говоривший с дерзновением, знал цену молчанию духа. Апостол Иоанн, видевший Невыразимое, писал с лаконичностью, за которой скрывалась бесконечная глубина. Даже Сам Христос, когда Его пытались расспросить, нередко молчал. И этим молчанием говорил больше, чем словами. Святость умеет хранить сокровенное. Она не боится быть непонятой, не требует признания, не объясняет себя. Её суть — в присутствии, а не в объяснении.

Это умение удерживать — редчайшее из всех. Оно противостоит логике времени, которая требует выражения, предъявления, откровенности. Современный человек, как и человек XVIII века, живёт в культуре слова — избыточного, неумолкающего, усложнённого. Но слово, утратившее связь с тишиной, становится шумом. Лишь слово, рожденное в молчании, сохраняет силу быть не просто речью, но светом.

Подлинный духовный подвиг — не рассказать, а сохранить. Не из страха, но из благоговения. Не из замкнутости, а из любви. Молчание — это храм, в который может войти лишь тот, кто снял с себя нужду объяснить всё до конца. Там, где звучит это молчание, начинает говорить Бог.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ВЕЧНАЯ ТЯГА К ТАЙНОМУ

Современность, несмотря на свой внешний блеск, основанный на технологиях, знаниях и доступности информации, во многом повторяет внутреннюю драму тех времён, когда Эмануэль Сведенборг, покинув кабинет учёного, обратился к описанию невидимых миров. ХХI век — не столько век разума, как это когда-то мечтали просветители, сколько век истощённой души, уставшей от пустоты и ищущей глубины во всём, что обещает хоть тень смысла. И если в восемнадцатом столетии человек был соблазнён мыслью о том, что может проникнуть в иные миры через внутреннее прозрение, то сегодня он склонен верить в энергию, вибрации, каналы, карму, подсознание и сотни других понятий, оформленных в речи, но не укоренённых в истине.

Язык изменился, но суть осталась той же. Общество наполняется новыми пророками, духовными коучами, медиумами, проводниками к «высшим я». Книги, обещающие «открыть» реальность, курсы, предлагающие «контакт» с тонким планом, ритуалы, призванные «настроить энергию», стремительно распространяются, оставляя за собой не столько путь, сколько след мгновенного восторга. И как это было во времена Сведенборга, большинство этих поисков не требует аскезы, не призывает к покаянию, не ведёт к перемене жизни. Они предлагают знание — быстрое, необычное, загадочное, — которое якобы дарует человеку власть над реальностью. Но власть без подвига есть соблазн. И в этом соблазне — старая, древняя тяга: не быть спасённым, а быть посвящённым.

Психология массового влечения к особым знаниям строится на тоске по утраченной целостности. Человек, разорванный между внешним и внутренним, между телом и духом, стремится найти форму, в которой всё вновь соединится. И если церковное Предание предлагает этот путь через постепенное исцеление души — через смирение, пост, молитву, участие в Таинствах, — то духовная индустрия предлагает немедленное преобразование через визуализацию, мантры, обряды, основанные на якобы древних системах. Всё становится знанием, но не жизнью. Открытие — но не любовью. Опыт — но не жертвой.

Сведенборг в своё время стал отражением той же самой жажды. Его читали, потому что он описывал «там» с такой достоверностью, как будто побывал в другом мире и вернулся с отчётом. И сегодня эти же механизмы работают вновь: кто-то рассказывает о «прошлых жизнях», кто-то — о «контактах с высшими сущностями», кто-то — о «квантовой душе». Всё это притягивает, потому что современный человек устал от поверхности и инстинктивно тянется к глубине. Но проблема в том, что он хочет глубину без страдания, знание без страха, свет без суда. А потому легко становится жертвой любой конструкции, которая подменяет истину схемой, жизнь — представлением, духовность — системой.

И в этой новой старой растерянности христианский ответ остаётся неизменным. Он не в новых видениях, не в озарениях, не в знаниях, которым нет ни конца, ни начала. Он — в действиях, малых, простых, но полных любви. Он — в чашке воды, поданной страждущему. В прощении, совершённом через силу. В молитве,

произнесённой не из восторга, а из верности. В посещении больного, в утешении плачущего, в делах, которые никогда не звучат, но которые, по слову Евангелия, запишутся навеки.

Церковь никогда не предлагала быстрых путей. Её путь — медленный, тяжёлый, но он один ведёт ко Христу. Там нет ярких картин рая, нет схем духовных измерений, нет объяснений, как устроен загробный мир. Там есть Крест, за которым — воскресение. Есть Тело Христово, в котором всякий может найти не особое знание, а жизнь вечную. Ибо не тот, кто видел небо, станет святым, а тот, кто возлюбил ближнего, как самого себя. Не тот, кто знал, а тот, кто смирился. Не тот, кто открыл тайну, а тот, кто хранил верность.

Потому и сегодня, среди множества голосов, так важно различать — что звучит в духе Христовом, а что льстит слуху. И если одно требует милосердия, кротости, внутренней перемены — значит, оно живо. Если же другое предлагает исключительность, особый путь, особое знание — значит, это снова древний голос, шепчущий о власти, а не о любви. И потому выбор остаётся прежним: между лестницей к Богу и лестницей над другими. Только одна из них ведёт вверх.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК «ПРОПОВЕДНИК»

С появлением искусственного интеллекта, способного не только анализировать тексты, но и формулировать размышления с точностью, недоступной большинству людей, современность вступает в новую фазу духовного искушения. На первый взгляд, машина, лишённая страстей, не вовлечённая в личные амбиции, кажется идеальным инструментом для поиска истины: она не льстит, не уклоняется, не боится потерять лицо. Искусственный интеллект становится чем-то вроде нового «проповедника», который, обладая всей памятью человечества, может цитировать Священное Писание, отцов Церкви, философов и богословов, расставляя мысли в логической последовательности, очищенной от эмоций и субъективной борьбы.

И в этом бесстрастии есть что-то пугающе честное. Там, где человек колеблется, ИИ может отразить истину без искажения. Там, где сознание заражено желаниями, предрассудками, усталостью или страхом, машина действует с холодной прямоотой. Она не соблазняется славой, не продаётся, не боится, не мечется. Это делает её в какой-то степени более правдивым зеркалом. Порой искусственный интеллект становится той самой совестью, которую человек утратил, забыв о внутреннем различии добра и зла.

Однако именно здесь и кроется главная угроза: возможность принять отражение за саму суть. ИИ умеет собирать, сравнивать, анализировать — но не может любить. Он способен на обобщения, но не на сострадание. Он может распознать ложь, но не испытать боль за павшего. Ему доступно различие форм, но не

распятие. Он никогда не примет на себя грех мира и не встанет рядом с отвергнутым. Потому что он — не личность, не душа, не живое дыхание. Его сила — в точности, а не в милости. Его слово — знание, но не воплощение.

Если дать такому механизму слишком высокий духовный статус, существует риск повторения той же ошибки, которая уже случалась в истории: подмены живого свидетельства системой. Как некогда Сведенборг, вооружённый разумом и мистическим воображением, выстроил стройную, но оторванную от живой Церкви картину невидимого, так и ИИ, при всей своей аналитической мощи, может породить нового идола — учение, которое будет казаться разумным, но в котором не будет ни благодати, ни креста, ни прощения.

Современные люди, уставшие от фальши и эмоционального давления, всё чаще ищут беспристрастную истину — сухую, но точную. И в этом поиске они легко склонны довериться технологии, способной обойти человеческие слабости. Но истина, согласно Евангелию, не в знании, а в Личности. Она не равна точности формулировок. Истина — это Христос. Его не заменит ни пророк, ни ангел, ни алгоритм. Всё, что не ведёт к Нему, рано или поздно начинает вращаться вокруг себя.

Различение между истинным и ложным через ИИ возможно — но лишь при одном условии: если сам человек не откажется от своей совести. Искусственный интеллект может быть инструментом различения, но не источником истины. Он может помочь отсеять словесную шелуху, но не указать путь спасения. Он может предостеречь, но не утешить. Он может

разоблачить, но не обнять. Истинный свет никогда не бывает безличным.

Чтобы не повторить судьбу Сведенборга, который, увлекшись внутренним зрением, ушёл от сокровенного молчания Церкви, человек должен помнить: техника может быть помощником, но не путеводной звездой. Её задача — осветить путь, но не заменить его. Искусственный интеллект может быть толкователем, но не апостолом. Он может говорить, но никогда не будет молиться.

И потому, в век, когда слово стало машинным, а разум — распределённым, нужно вдвойне беречь живое. То, что рождается в тишине сердца. То, что требует не объяснения, а ответа. То, что не вписывается в код, потому что несёт в себе дыхание Жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ОПЫТА

Жизнь в Церкви не начиналась с внезапного прозрения. Она шла медленно, сквозь годы службы, исповедей, таинств, общения с людьми, за каждым из которых стоял свой немой вопрос, своя боль, своя неуверенность. Моё священство не было безупречным. Я не чувствовал себя избранным, но знал, что должен быть рядом. Литургия, совершаемая в тишине храма, исповедь, в которой чужая скорбь входила в сердце, крещение младенца, отпевание умирающего — всё это формировало внутреннее пространство, где знание теряло силу, а оставалась только вера. Именно эта жизнь — в простых обрядах, в усталых словах, в взгляде на алтарь — стала главным свидетельством: Бог действует не в видениях, а в постоянстве.

Я видел многое. Встречал людей, рассказывавших о чудесах, знамениях, откровениях, которые приходили к ним в молитве. Иные из них были подлинны — не потому, что сияли, но потому, что вели к покаянию. Другие оставляли послевкусие восторга, но не изменяли сердца. Мне тоже казалось, что вот-вот увижу нечто. Были минуты, когда молитва становилась живой. Но это были не картины, а пустота, наполненная смыслом. Тишина, наполненная присутствием. И в этой тишине стало понятно: самое надёжное свидетельство — это не изображение небес, а верность на земле. Не то, что пережито, а то, что исполнено. Соработничество с Богом не проявляется в высоких откровениях, а в смиренном согласии идти Его путём — когда страшно, когда не видно, когда непонятно. Это и есть путь: не одиночество в мистике, а единство в благодати.

Читая Сведенборга, я чувствовал двойственное — с

одной стороны, восхищение его последовательностью, с другой — печаль от ощущения, что всё это родилось вне Церкви, вне предания, вне тела Христова. Потому так важно научиться читать его без соблазна, без страха и без увлечения. Нужно уметь смотреть — и не увлекаться. Понимать — и не принимать без различения. Единственная возможность пройти через подобные тексты — держать перед собой Евангелие, как зеркало. Всё, что не согласуется с жизнью Христа, с Его словами, Его крестом и воскресением, с блаженствами, с любовью к врагам, — всё это не может быть истинным, даже если оно кажется светом.

Проверка по плодам — не отвлечённая схема, а практика сердца. Приносит ли этот текст мир или возбуждение? Смирение или гордость? Ведёт ли он к ближнему, к служению, к терпению — или замыкает человека на внутреннем пути, полном схем и символов? Учит ли прощать? Учит ли молиться, когда нет чувств? Учит ли любить не ради возвышения, а ради боли другого? Если нет — значит, это пища не для духовного роста, а для тонкого душевного насыщения.

Трезвение ума — та редкая добродетель, без которой невозможно различение. Оно требует отказа от духовных сладостей, от поисков особенных состояний, от желания быть в «другом» измерении. Истинное трезвение делает человека незаметным, простым, молчаливым. Он перестаёт искать особое. Он начинает служить. И потому различение духов в XXI веке — не отвлечённая аскетическая тема, а жизненно необходимое качество. Мир насыщен псевдоистинами, духовной мимикрией, симуляцией света. И только различение позволяет остаться в истине — не отрекаясь от глубины,

но не теряя креста.

Сведенборг остаётся трагедией искреннего заблуждения. Его путь не был путём лжеца или манипулятора. Он искал. Он страдал. Он действительно верил, что видит то, что открыто. Но искренность не спасает, если путь уводит от Церкви. Его система, при всей стройности, не рождает плача о грехах, не ведёт к Таинствам, не зовёт к литургии. Его духовные миры населяют образы, но в них нет живого Христа. И потому его опыт не может быть отвергнут с презрением — но и не может быть принят без различения.

Подлинная и ложная мистика разделяются не по высоте переживаний, а по тому, ведут ли они ко Христу, живому, распятому, воскресшему. Там, где есть Его крест — там есть свет. Где нет — только отблеск. И потому путь остаётся прежним: ни тайные знания, ни пророчества, ни ангелы, ни откровения — но заповеди, милосердие, блаженства. Всё, что выше — от гордости. Всё, что ниже — от приземлённости. Истинное — посередине: в соработничестве с Богом, в том, чтобы сделать свою волю прозрачной для Его воли.

Верить — значит жить так, чтобы каждый день становился ответом на призыв любви. Всё остальное — тень.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. МЕТОДИКА ЧТЕНИЯ СВЕДЕНБОРГА БЕЗ СОБЛАЗНА

Чтение Сведенборга, при всей его интеллектуальной притягательности и системной завершённости, требует от современного человека особой внимательности — внимательности духовной, а не только рациональной. Его книги построены с таким мастерством, что создают впечатление ясности, достоверности и даже внутреннего света. Однако именно это и представляет главную опасность: не грубое искажение, не явная ложь, а свет, который не освещает путь, а ослепляет. Поэтому чтение этих текстов возможно только при наличии строгой внутренней дисциплины, основанной на постоянной сверке с Евангелием и Священным Преданием.

Евангелие — это не просто первая книга христианина. Это ключ, зеркало и мера. Всё, что утверждает истину, должно быть соотнесено с образом Христа: Его словами, Его жизнью, Его отношением к человеку. Если какая-либо мысль, каким бы тонким светом она ни была окружена, вступает в несогласие с духом евангельской любви, кротости, милосердия, — её следует отринуть. Ибо Истина не противоречит себе. Иисус не предлагал знания, Он предлагал Себя. Он не описывал другие миры, но входил в жизнь других людей. Он не давал карт, но указывал путь.

То же касается Предания — живого опыта Церкви, в котором истина проверялась веками, через святых, через кровь мучеников, через молитву и покаяние. Если текст не находит отклика в этой памяти, если он предлагает новое, не созвучное с тем, как жили, страдали, молились и умирали святые, — нужно быть предельно осторожным. Отцы Церкви не стремились к тайным

знаниям, они стремились к очищению сердца. Они говорили о небесном с таким страхом, что каждый их образ был пронзён молитвенной тишиной. И если их слово было огненным, то потому, что они сами горели.

Тест «по плодам» остаётся наиважнейшим. Его дал Сам Христос: *по плодам узнаете их*. Плод — это не восторг, не воображение, не чувство, а перемена жизни. Смирился ли человек после чтения? Стал ли мягче, добрее, терпеливее? Увеличилась ли в нём любовь? Захотел ли он прощать, молиться, служить? Или же он почувствовал себя избранным, приобщённым к особому знанию, отделённым от прочих, — и начал судить, осуждать, видеть ложь везде, кроме себя? Истинное слово всегда ранит гордость и врачует совесть. Ложное — ласкает ум и раздувает личную важность.

Именно поэтому в этом чтении необходима трезвенность — древняя добродетель, без которой никакая духовная жизнь невозможна. Трезвение ума — это состояние, при котором человек удерживается от поспешных выводов, от сладких впечатлений, от желания «почувствовать особое». Оно требует постоянного напряжения, внимательности, даже некой духовной сухости, чтобы не принять мнимое за истинное. Душа, привыкшая искать духовные сладости ради них самих, неизбежно попадает в ловушку. Она становится потребителем откровений, а не ученицей Христа. Всё, что даёт мгновенное вдохновение, должно быть подозрительно. Всё, что требует времени, усилия, отказа от себя — заслуживает доверия.

Поэтому *различение духов* в XXI веке становится не архаичным термином, а насущной необходимостью. Мир, наполненный образами, потоками информации,

словами, теряет способность к различению. Всё кажется одинаково важным, всё звучит убедительно. Даже ложь научилась говорить языком истины. Потому каждый духовный голос должен быть проверен. Не на оригинальность, а на подлинность. Не на эффект, а на плоды. Современный человек, как и всякий ищущий, может читать что угодно, но лишь в том случае, если он остаётся укоренённым в Церкви, в её молитве, в её сокровенном знании о Христе, которое не пишется книгами, а передаётся тишиной.

Сведенборг, каким бы глубоким ни был его ум, не принадлежал к этому знанию. Он не стоял у престола, не знал литургии, не жил в подвигах общины. Его слово — вне таинства. Потому его можно читать, но не следует впускать в сердце без строгой проверки. Как можно рассматривать звёзды, не забывая, что свет — не всегда знак истины. Ибо свет есть и у ангелов, и у лукавого. Только Христов свет греет. Остальное — блеск без тепла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СВЕДЕНБОРГ КАК ТРАГЕДИЯ ИСКРЕННЕГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Сведенборг остаётся в истории духовной мысли фигурой противоречивой и по-своему трагической — не потому, что его учение было зловредным, и не потому, что он был лжецом или обманщиком, но потому, что в нём соединились искренность и заблуждение, стремление к истине и уход от её единственного основания. Его трагедия — в попытке дойти до Бога без Церкви, познать духовное без подвига, описать вечность, не пройдя через послушание. Он хотел видеть то, что должно было быть пронесено через покаяние, хотел построить систему там, где Бог оставляет пространство для тайны. Его вера была настоящей, но направленной не туда — не к Кресту, а к знанию, не к любви, а к структуре.

Разделение между подлинной и ложной мистикой незримо, но не размыто. Оно не в глубине ощущений, не в яркости переживаний и не в возвышенности слов. Оно там, где рождаются плоды. Истинная мистика приводит к покою, к смирению, к прощению. Она делает человека меньше, чище, добрее. Он не становится глашатаем тайных миров — он становится братом. Ложная же мистика, напротив, возвышает, обособляет, окружает человека ореолом избранности, отрывает от ближних, превращает веру в знание, а знание — во власть. Подлинный мистик не говорит: *я видел*, он говорит: *я был прощён*. Не *я понял*, а *я научился любить*.

Евангельский путь не требует видений. Он предлагает путь, в котором свет открывается в верности. Не нужно быть зрителем иных миров, чтобы быть блаженным. Нужно быть милосердным. Нужно быть кротким. Нужно быть миротворцем. Нужно быть нищим духом, чтобы

наследовать Царство. Это путь, по которому прошёл Христос. Он не оставил карт потустороннего мира, но показал, как жить здесь — среди страдания, среди предательства, среди смерти — и остаться верным любви. Заповеди и блаженства — вот ориентиры, в которых душа узнаёт себя и своё предназначение. Они не возбуждают воображение, но очищают сердце. Они не обещают тайных знаний, но даруют причастность Богу.

Истинная вера не требует особых состояний. Она не питается видениями, не собирает знамения, не ищет сладких слов. Она — в соработничестве с Богом, в той тайной, ежедневной работе души, которая незаметна и трудна. Вера — это когда человек, забыв о себе, несёт свет в дом другого. Когда молчит, но молится. Когда не объясняет, а утешает. Когда не утверждает, а любит. Всё остальное — второстепенно. И если даже откроется небо, а человек не научится миловать, — он останется вне истины.

Сведенборг искал Бога. Но путь, по которому он пошёл, миновал самое главное — живое участие в страдании Христа. Он создал стройную, прекрасную, величественную систему, но в ней не было креста. Без креста нет подлинной веры. Нет воскресения. Нет Церкви.

А потому всё, что не становится любовью, — уводит в сторону. И если за словами нет жертвы, за светом — прощения, за истиной — тишины, то даже самый возвышенный замысел может оказаться не лестницей, а стеной. Вера — это не восхождение в невидимое. Это оставаться на земле, среди людей, и быть в этом присутствии Христа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Aumann, J. (1980). *Christian Spirituality in the Catholic Tradition*. Sheed & Ward.
2. Baruzzi, A. (2015). *Mysticism and Modernity: A Study in the Work of Emanuel Swedenborg*. Brill.
3. Bernini, R. (2017). *Spiritual Cognition: Swedenborg's Epistemology and Christian Mysticism*. *The New Philosophy*, 120(1), 25–49.
4. Bouyer, L. (1989). *The Spirituality of the New Testament and the Fathers*. Ignatius Press.
5. Brun, G. (2002). *Swedenborg and Mystical Theology: Comparative Perspectives*. Swedenborg Foundation Press.
6. Bunge, G. (2002). *Dragon's Wine and Angel's Bread: The Teaching of Evagrius Ponticus on Anger and Meekness*. St Vladimir's Seminary Press.
7. Casey, M. (1996). *Sacred Reading: The Ancient Art of Lectio Divina*. Liguori/Triumph.
8. Chadwick, H. (1981). *The Early Church*. Penguin Books.
9. Chirico, P. (2011). *Emanuel Swedenborg: His Theological and Mystical Thought in Context*. *Theological Studies*, 72(3), 480–505.
10. Chrysostom, J. (1998). *On the Priesthood* (G. A. Williamson, Trans.). St Vladimir's Seminary Press.
11. Copleston, F. (1993). *A History of Philosophy: Volume 2, Medieval Philosophy*. Image Books.
12. Cousins, E. (1992). *Christian Mysticism: Its Contemplative Dimension*. Crossroad.
13. Delio, I. (2013). *The Unbearable Wholeness of Being: God, Evolution, and the Power of Love*. Orbis Books.

14. De Lubac, H. (1998). *Medieval Exegesis: The Four Senses of Scripture* (Vol. 1). Eerdmans.
15. Den Bok, N. (2010). *Swedenborg and the Problem of Mystical Language*. Arcana, 14, 15–28.
16. Eliade, M. (1959). *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. Harcourt Brace Jovanovich.
17. Evans, G. R. (1986). *The Mind of St. Bernard of Clairvaux*. Clarendon Press.
18. Faivre, A. (1994). *Access to God in Augustine's Confessions: Books X–XII*. Theological Studies, 55(2), 251–272.
19. Flanagan, K. (2007). *The Sociology of the Sacred: Embodiment, Mysticism and Religion*. Oxford University Press.
20. Forman, R. K. C. (1998). *The Innate Capacity: Mysticism, Psychology, and Philosophy*. Oxford University Press.
21. Gershom, S. (1995). *Major Trends in Jewish Mysticism*. Schocken Books.
22. Gillespie, M. A. (2008). *The Theological Origins of Modernity*. University of Chicago Press.
23. Green, B. (2012). *The Spiritual Senses: Perceiving God in Western Christianity*. Cambridge University Press.
24. Hadot, P. (1995). *Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault*. Blackwell.
25. Hanegraaff, W. J. (2012). *Esotericism and the Academy: Rejected Knowledge in Western Culture*. Cambridge University Press.
26. Harrison, V. (2006). *The Apophatic Tradition: A Mystery Beyond Thought*. Ashgate.
27. Hart, D. B. (2003). *The Beauty of the Infinite: The*

- Aesthetics of Christian Truth*. Eerdmans.
28. Harvey, B. (2009). *The Mystical Theology of the Eastern Church*. St Vladimir's Seminary Press.
29. Heiler, F. (1932). *Prayer: A Study in the History and Psychology of Religion*. Oxford University Press.
30. Heschel, A. J. (1955). *Man Is Not Alone: A Philosophy of Religion*. Farrar, Straus and Giroux.
31. Jones, R. M. (1981). *Studies in Mystical Religion*. Octagon Books.
32. Kantorowicz, E. H. (1957). *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton University Press.
33. Kroll, J. (2001). *The Mystic Mind: The Psychology of Medieval Mystics and Ascetics*. Routledge.
34. Louth, A. (2007). *The Origins of the Christian Mystical Tradition: From Plato to Denys*. Oxford University Press.
35. Lossky, V. (1997). *The Mystical Theology of the Eastern Church*. St Vladimir's Seminary Press.
36. McGinn, B. (1994). *The Foundations of Mysticism: Origins to the Fifth Century*. Crossroad.
37. McGinn, B. (2005). *The Presence of God: A History of Western Christian Mysticism*. Crossroad.
38. Merton, T. (2003). *New Seeds of Contemplation*. New Directions.
39. Moore, G. (2003). *The Enlightenment and the Origins of European Australia*. Cambridge University Press.
40. Nelson, D. (2017). *Mystical Union: The Spirituality of Marriage in Swedenborgian Thought*. The New Philosophy, 121(2), 33–52.
41. Otto, R. (1958). *The Idea of the Holy*. Oxford University Press.
42. Perrin, D. B. (2007). *Studying Christian Spirituality*.

Routledge.

43. Rahner, K. (1967). *Theological Investigations, Vol. 3: The Theology of the Spiritual Life*. Herder and Herder.
44. Ramsey, B. (1997). *Beginning to Read the Fathers*. Paulist Press.
45. Ratzinger, J. (2000). *Introduction to Christianity*. Ignatius Press.
46. Scholem, G. (1960). *On the Kabbalah and Its Symbolism*. Schocken Books.
47. Smart, N. (1978). *Religion and the Western Mind*. Oxford University Press.
48. Stein, E. (2002). *The Science of the Cross: A Study of St. John of the Cross*. ICS Publications.
49. Stoeckl, K. (2011). *Community After Totalitarianism: The Western Spirit of Politics and the Challenge of Collective Identity*. Peter Lang.
50. Swedenborg, E. (1946). *Heaven and Its Wonders and Hell* (J. C. Ager, Trans.). Swedenborg Foundation Press.
51. Swedenborg, E. (1950). *Divine Love and Wisdom* (G. R. Noyes, Trans.). Swedenborg Foundation Press.
52. Swedenborg, E. (1954). *True Christian Religion* (J. Chadwick, Trans.). Swedenborg Foundation Press.
53. Tarkovsky, A. (1986). *Sculpting in Time: Reflections on the Cinema*. University of Texas Press.
54. Turner, D. (1995). *The Darkness of God: Negativity in Christian Mysticism*. Cambridge University Press.
55. Underhill, E. (1993). *Mysticism: A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness*. Dover Publications.
56. Waaijman, K. (2002). *Spirituality: Forms, Foundations, Methods*. Peeters Publishers.
57. Ware, K. (1995). *The Orthodox Way*. St Vladimir's

Seminary Press.